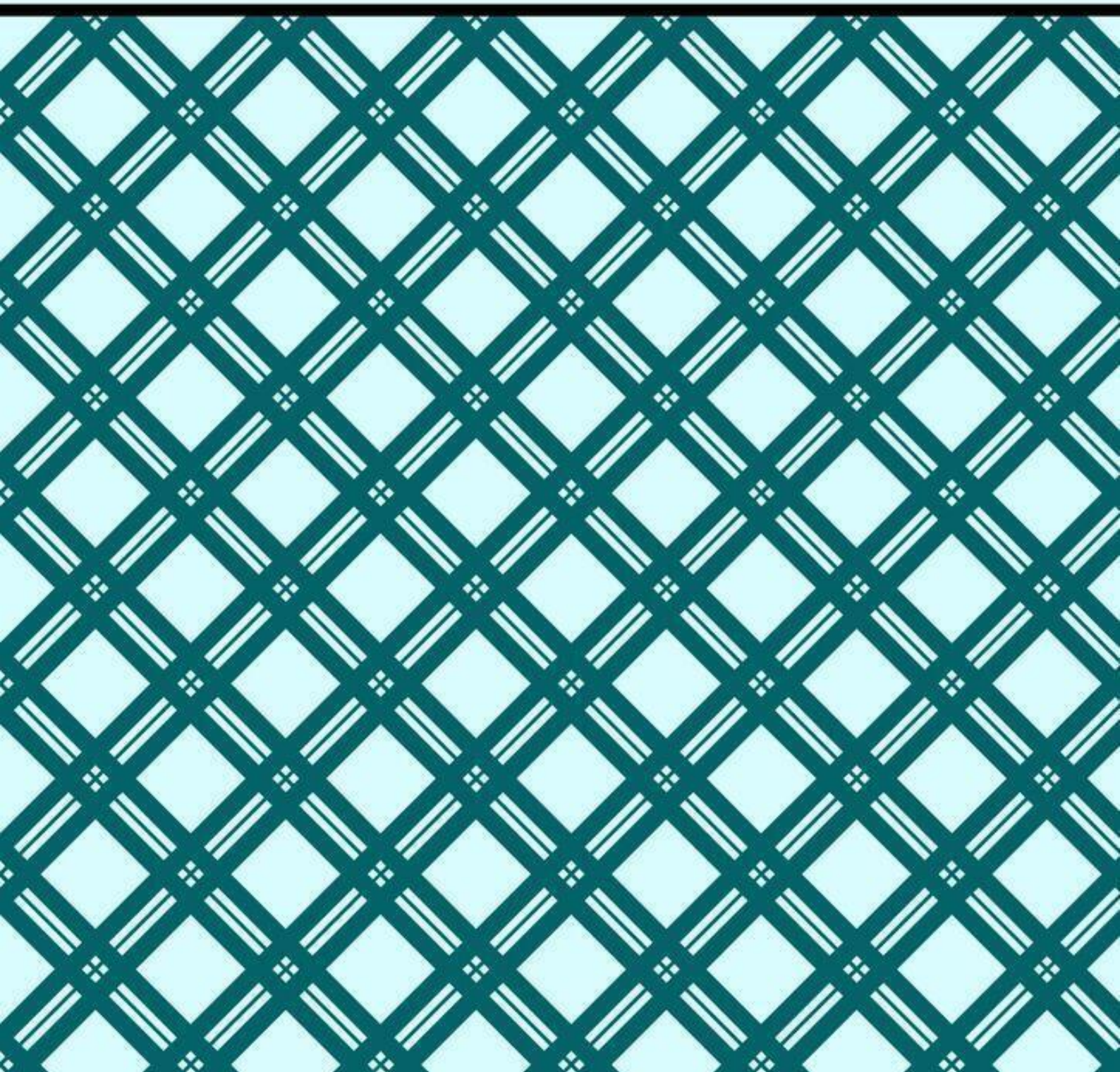
18+

МИХАИЛ КАЧЕЕВ

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира

Михаил Качеев

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира

«Издательские решения»

Качеев М.

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира / М. Качеев — «Издательские решения»,

Ядерная война и грибковый штамм превратили Землю в радиоактивный ад. Наемник-байкер Силас берется провести девушку из метро по имени Яна в бункер «Ковчег-7». В ее крови — иммунитет к спорам и ключ к вакцине, а впереди — три тысячи миль сквозь орды мутантов, культистов и спецназ «Железного Легиона».

© Качеев М.
© Издательские решения

Содержание

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира 6
СОДЕРЖАНИЕ 7
Глава 1. Пепел и споры 8
Глава 2. Ржавчина и кровь 16
Глава 3. Мертвый лес и железные гончие 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира

Михаил Качеев

© Михаил Качеев, 2026

ISBN 978-5-0071-5873-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мрак и вакцина. Хроники верхнего мира

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Пепел и споры
Глава 2. Ржавчина и кровь
Глава 3. Мертвый лес и железные гончие
Глава 4. Медвежья щель и дыхание бездны
Глава 5. Соль, бензин и гончие Легиона
Глава 6. Холодный металл и чужие призраки
Глава 7. Гарпуны на белой соли
Глава 8. Чрево мертвого титана
Глава 9. Прорыв сквозь белое марево
Глава 10. Тень у водокачки
Глава 11. Забытая ветка
Глава 12. Шпалы, пропитанные креозотом
Глава 13. Цена карантина
Глава 14. Стальная крысоловка
Глава 15. Горизонт без пепла

Глава 1. Пепел и споры

Ветер с юга принес запах жженой резины, гнилой плоти и чего-то сладковатого — тяжелую, маслянистую вонь цветущего мицелия. Силас поправил ремни старого советского противогаза ПМК-2, сильнее затянув пряжку на затылке. Левая линза была пересечена паутиной трещин — след от рикошета картечи трехмесячной давности в каньонах под Солт-Лейком, — но герметичность маска пока держала. По краю резины, там, где она впивалась в небритую, изъеденную шрамами щеку, скопился липкий пот, перемешанный с рыжей радиоактивной пылью.

Под ним, на гребне окаменевшего бархана, остывал его мотоцикл, потрескивая раскаленными ребрами цилиндров. Это был франкенштейн, собранный из довоенного раритетного круизера, армейского эндуро и деталей от старых дизельных генераторов. Вместо родного хрома — матовая черная краска, ободранная пескоструем пустынных бурь до голого металла, усиленная арматурой рама, зубастая внедорожная резина, прошитая стальными болтами, и два дополнительных канистровых бака по бокам заднего крыла. На потертом баке все еще угадывался выцветший череп с крыльями — эмблема клуба «Кочевники Погибели», от которого в живых остался только сам Силас.

Внизу, в котловине, догнивал мертвый мегаполис. Когда-то его называли Портлендом, или Сиэтлом, или как-то еще — после того как в Первую Войну по побережью отработали разделяющиеся боеголовки, а следом из разбомбленных биолабораторий вырвался «Штамм-К», география потеряла смысл. Теперь это называлось просто Кратером. Искореженные скелеты небоскребов торчали из рыжего тумана, словно обломки гнилых зубов в пасти мертвеца. Нижние этажи зданий были полностью затянуты белесой, пульсирующей коркой грибницы, которая светилась тусклым фосфоресцирующим светом в сгущающихся сумерках. Между руинами змеилась высохшая чаша реки, забитая тысячами ржавых автомобильных остовов — братская могила тех, кто двадцать лет назад пытался спастись от огненного шторма в многокилометровых пробках.

Силас посмотрел на запястье. Дозиметр «Припять», примотанный синей изолентой прямо к рукаву тяжелой кожаной куртки, лениво пощелкивал: тик… тик-тик… тик. Двадцать восемь микрорентген в час. Терпимо. На высоте ветер сдувал тяжелые изотопы в низину. Но стоило спуститься к эстакадам старого хайвея, как счетчик начинал верещать, захлебываясь, а в горле даже сквозь угольный фильтр появлялся мерзкий вкус гальванической батарейки.

Рядом с ним, на расстеленной промасленной тряпке, лежали разобранные внутренности фильтра ФПК. Силас неспешно, доведенными до автоматизма движениями человека, который делал это тысячи раз под обстрелом и в кромешной тьме, засыпал внутрь жестяной банки свежий активированный уголь из трофейного тубуса, прокладывал его кружками плотной марли и утрамбовывал рукояткой охотничьего ножа. Фильтры на Пустоши стоили дорого. Один чистый армейский «зелёный» фильтр шел по курсу трех винтовочных патронов калибра 7.62 или пяти пистолетных «девяток». Но патроны, которыми пользовался Силас — старый советский 5.45х39 мм, — здесь, на северо-западе бывших Штатов, были настоящим золотом. Они попадались только на разграбленных складах контингента миротворцев или в глубоких бункерах, которые контролировали подземные фракции. Именно поэтому Силас и торчал сейчас на этом проклятом бархане.

Из старой, перемотанной медной проволокой рации «Моторола», закрепленной на руле байка, донесся сухой треск статики, а затем — хриплый, булькающий голос, прерываемый тяжелым, надрывным кашлем.

— …Мрак. Прием. Ты на точке, сукин сын? Солнце уже за хребтом… кх-х-ха… черт…

Силас не спеша завальцевал край фильтра плоскогубцами, проверил герметичность шва, промазав его густым битумным клеем, и только потом снял тангенту с крепления. Чтобы говорить, приходилось прижимать ларингофон прямо к горлу под ремешком противогаза.

— На точке, Пророк, — глухо отозвался Силас. Его голос, пропущенный через мембрану маски и дешевый динамик, звучал механически, как скрежет ржавых шестеренок. — Вижу южный вестибюль станции «Д-3». Твоих людей нет. Зато вижу следы шин у развязки. Тяжелый протектор, спарка. «Упокоители» пригнали сюда минимум два ган-трака.

В эфире повисла пауза, заполненная лишь шипением белого шума и далеким, едва различимым завыванием ветра в пустых глазницах высоток.

— Они знают про прорыв на Кольцевой, — наконец прохрипел Пророк. Судя по акустике в рации, старик сейчас находился глубоко внизу, в гулком чреве бетонного коллектора, где-то между затопленными перегонами старого метрополитена. — Красная Линия пошла на штурм блокпоста «Железного Легиона» три часа назад. Там сейчас мясорубка, Силас. Огнеметы, зарин, подрывы сводов… Мы идем по техническому тоннелю через старую ветку водоканала. Выйдем через вентиляционную шахту номер четыре, прямо под рухнувшим мостом. Жди зеленую ракету.

— Уговор был на выход у депо, старик, — Силас нахмурился, глядя в прицел старого бинокля с желтыми противотуманными сетками. — Вентшахта номер четыре — это в самом гнезде. Там все заросло споровиками по второй этаж, а в трехстах метрах — обвалившийся молл. Ты знаешь, кто там спит днем.

— У меня нет выбора! — голос Пророка сорвался на свистящий шепот, за которым последовал новый приступ мокрого, рвущего легкие кашля. Было слышно, как он сплевывает на бетон. — Депо перекрыто штурмовиками Легиона! Они расстреливают всех, кто бежит со станций, боятся паники и заражения. Я веду девчонку, Силас. У нее груз. Тот самый, о котором я тебе говорил. Если мы не выберемся в ближайшие полчаса, ты останешься без своих пятисот патронов и канистры чистого авиационного бензина, а мы — без голов. Спускайся к мосту. Конец связи.

Рация щелкнула и умолкла.

— Упрямый старый козел, — сквозь зубы процедил Силас.

Он убрал бинокль в кофр, открутил от гофрированного шланга противогаза отработанный фильтр (внутри него уже неприятно шуршала спекшаяся радиоактивная пыль), задержал дыхание и быстрым, отточенным движением ввернул новый. Сделал резкий вдох, зажав ладонью входное отверстие — маска плотно присосалась к лицу, воздух не травил. Можно жить.

Солнце окончательно провалилось за зубчатую гряду мертвых гор на западе, оставив на небе багрово-фиолетовый кровоподтек. Температура на Пустоши начала стремительно падать. И вместе с сумерками город внизу начал просыпаться.

Сначала это был просто звук — тонкий, вибрирующий гул, похожий на жужжание миллионов ос в гигантском улье. Он доносился из провалов подземных парковок, из темных окон небоскребов, из трещин в асфальте. Фрикеры. Днем они прятались от жесткого ультрафиолета и радиации в сырых, темных норах, сбиваясь в зловонные, переплетенные телами кучи, согреваемые собственным метаболизмом и гниением. Но как только ультрафиолет уходил, голод гнал их наружу. А там, где грибной штамм успел прорасти сквозь кору головного мозга, рождались твари куда хуже обычных бегунов — слепые, ориентирующиеся на эхолокацию ублюдки, чьи черепа раскололись изнутри от разросшихся хитиновых наростов.

Силас проверил оружие. На груди, на трехточечном тактическом ремне, висел АКС-74У — «Ксюха», его главная кормилица. Короткий ствол был оснащен самодельным глушителем из масляного фильтра от грузовика «Мак». Металл автомата был вытерт до белого блеска на гранях, цевье из темного дерева исцарапано и пропитано оружейным маслом. Силас отстегнул бакелитовый рыжий магазин, проверил подачу — верхний патрон 5.45 с черной головкой (бро-

небойный, старый запас из армейских цинков) тускло блеснул в сумерках. Пристегнул обратно до характерного, сухого щелчка. В набедренной кобуре покоился тяжелый револьвер «Ругер» под.357 Магнум — оружие последнего шанса, которое не давало осечек даже тогда, когда все остальное забивалось песком и грязью. На поясе — длинный мачете, выкованный из рессоры пикапа.

Он перекинул ногу через потертое кожаное седло байка, повернул тумблер зажигания (ключей давно не было, замок был вырван еще прежним хозяином и заменен на тумблер от бронетранспортера) и выжал сцепление. Заводить мотор здесь, наверху, было нельзя — в вечерней тишине рев прямотока разнесется на пять миль вокруг, и тогда к мосту сбегутся не только «Упокоители», но и вся падаль из прибрежного сектора.

Силас оттолкнулся тяжелыми армейскими ботинками, окованными сталью на носках, и пустил тяжелый мотоцикл накатом вниз по осыпающемуся склону бархана. Шуршание гравия и тихий скрип усиленных амортизаторов были единственными звуками, сопровождавшими его спуск в ад.

Чем ниже он спускался, тем гуще становился рыжий туман. Дозиметр на рукаве зачастил: тик-тик-тик-тик. Шестьдесят микрорентген. Восемьдесят. Сто десять.

Он выкатился на остатки четырехполосного шоссе I-5. Здесь асфальт вздыбился от подземных толчков и корней мутировавшей растительности, образовав лабиринт из бетонных торосов. Остовы машин стояли в три яруса, покрытые толстым слоем серого пепла и белесыми нитями сухой грибницы. Внутри некоторых салонов все еще виднелись высохшие, мумифицированные скелеты в истлевших лохмотьях, вцепившиеся костяшками пальцев в оплавленные рули.

Силас вел байк на тормозах, лавируя между ржавым железом, держа палец на рычаге переднего тормоза. Внезапно за поворотом, там, где эстакада уходила под брюхо обрушившегося торгового центра, в тумане заплясали желтые пятна прожекторов. Донесся утробный, захлебывающийся рык восьмицилиндрового двигателя с пробитым глушителем и пьяный, истеричный хохот.

Силас мгновенно заложил руль влево, роняя тяжелый байк на бок за кузов сгоревшего инкассаторского фургона, и сам скатился в тень, вжимаясь спиной в холодную, шершавую от ржавчины сталь.

Из-за угла вывернула боевая машина «Упокоителей». Когда-то это был школьный автобус, но теперь от него осталась только передняя половина, обшитая листами рифленого железа, дорожными знаками и решетками от супермаркетов. Спереди красовался массивный клиновидный таран, сваренный из железнодорожных рельсов, на котором висели, покачиваясь в такт ухабам, три обезглавленных тела в прорезиненных плащах химзащиты — судя по всему, разведчики из Метро, которым не повезло выйти на поверхность раньше времени.

На крыше обрубка автобуса, за щитком из куска брони, стоял стрелок. На нем не было рубашки, несмотря на вечерний холод и радиацию — кожа фанатика была сплошь покрыта грубыми, воспаленными шрамами от самобичевания и ожогами, выложенными в форме спиралей. Лицо скрывала сварочная маска с прорезанными узкими щелями для глаз, а к затылку подходил шланг от кустарного ингалятора, через который «Упокоители» глотали пары эфира и бензина, чтобы не чувствовать боли и страха.

— Выходите, кроты подземные! — заорал стрелок, поворачивая спаренный пулемет, собранный из двух старых «Браунингов», в сторону чернеющих провалов вентиляционных шахт под мостом. — Свет Очищения ждет вас! Отдайте плоть червям, примите пламя!

Из кузова автобуса высыпали еще четверо. Они двигались дергано, неестественно, словно марионетки на натянутых нитях. У двоих в руках были самодельные дробовики из водопроводных труб, у третьего — арбалет, стреляющий заточенными кусками арматуры, а четвер-

тый держал на короткой стальной цепи тощего, извивающегося фрикера с вырванной нижней челюстью и выжженными глазами — «ищейку».

Силас бесшумно снял «Ксюху» с предохранителя, аккуратно, чтобы не звякнуть металлом о металл, придерживая флажок переводчика огня большим пальцем. Одиночный режим. Пять ублюдков плюс водитель в кабине. И одна тварь на цепи. Патронов жалко. Но если они перекроют выход из четвертой шахты, Пророк и его спутница попадут прямо в лапы этим психопатам, а Силас останется без оплаты. На Пустоши репутация стоила дороже свинца: если «Мрак» брался за контракт, он доводил его до конца, даже если заказчик уже харкал собственной селезенкой.

В этот момент в глубине бетонного провала под мостом глухо ухнуло. Земля под ногами Силаса вздрогнула. Из решетки вентиляционной шахты вырвалось облако черной угольной пыли, посыпалась штукатурка, и следом в сумеречное небо с шипением взлетела тусклая зеленая звезда сигнальной ракеты. Она осветила руины мертвенным, болотным светом на три секунды, прежде чем погаснуть в кровле разрушенного молла.

И в ту же секунду из-за спины Силаса, из темного чрева подземной парковки торгового центра, донесся ответный звук.

Сначала — сухой, трескучий стрекот, словно кто-то быстро ломал сухие ветки или стучал костяшками домино друг о друга. Клик-клик-клик-кр-р-рик. А затем — многоголосый, леденящий кровь вой сотен глоток, почувствовавших свежий свет и вибрацию взрыва.

Орда проснулась.

— У шахты! Они у шахты, рви их! — взвыл пулеметчик на крыше автобуса, разворачивая турель и открывая огонь.

Грохот крупнокалиберного спаренного пулемета разорвал тишину Кратера, как удар кувалды по наковальне. Гильзы веером посыпались на крышу автобуса, вспышки выстрелов выхватили из темноты массивную чугунную решетку вентшахты, которую кто-то сейчас отчаянно выбивал изнутри ломом. Пули высекали снопы искр из старых тюбингов и крошили бетон.

Силас понял, что времени на раздумья больше нет. Через две минуты здесь будет филиал преисподней.

Он поднялся из-за укрытия на одно колено, вжал приклад АКС-74У в плечо и поймал в перекрестие коллиматора затылок пулеметчика. Палец плавно выбрал свободный ход спускового крючка.

Пш-ш-тук! — глушитель из масляного фильтра превратил выстрел в звук тяжелого удара каблуком по доске, лязгнул затвор, выбрасывая дымящуюся гильзу. Голова стрелка в сварочной маске резко дернулась вперед, из-под забрала брызнуло черным, и он мешком рухнул грудью на гашетки. Пулемет задрался в небо, дав последнюю бессмысленную очередь по бетонным балкам эстакады, и затих.

— Снайпер! Сзади, у фургона! — заорал рейдер с арбалетом, разворачиваясь.

Он не успел даже вскинуть оружие. Вторая пуля 5.45 вошла ему точно под ключицу, пробила легкое и вышла через лопатку, швырнув тело на ржавый капот автобуса.

Силас не стал ждать, пока остальные сообразят, откуда бьют. Он рванул с места, пригнувшись, перемахнул через капот сгоревшего седана и на бегу выхватил из ножен мачете. В ближнем бою против обдолбанных эфиром «Упокоителей» пули часто были бесполезны — их напичканные химией тела не замечали сквозных ранений, пока не перерубишь позвоночник или не снесешь половину черепа.

Рейдер с «ищейкой» отпустил цепь, натравливая безглазого фрикера на тень Силаса, и сам полез за обрезом. Тварь, ориентируясь на звук шагов и тяжелое дыхание через фильтр, прыгнула вперед с нечеловеческой скоростью, выставив вперед скрюченные пальцы с черными, расщепленными до кости ногтями.

Силас не стал тормозить — наоборот, он упал на колени, проскользив по слою радиоактивного пепла и битого стекла прямо под брюхом летящего в прыжке мутанта, и одновременно взмахнул тяжелым клинком снизу вверх. Рессора, заточенная до бритвенной остроты, с хрустом вошла в грудную клетку фрикера, рассекая грудину и гнилое сердце, из которого вместо крови брызнула густая бурая жижа, пахнущая плесенью.

По инерции Силас врезался плечом в ноги рейдера-кинолога, сбивая того с ног. Тот заорал — не от боли, а с каким-то безумным восторгом, пытаясь достать лицо Силаса зубами и сорвать с него противогаз. На Пустоши сорвать с врага маску считалось особым шиком среди культистов — заставить жертву вдохнуть «Святую Пыль» и споры.

Силас коротко, без замаха, вбил стальной набалдашник рукояти мачете в переносицу фанатика, ломая хрящи, а затем перехватил «Ксюху» за цевье и в упор всадил две пули в висок второго рейдера, который уже целился в него из самодельного дробовика. Выстрел картечью ушел в землю в полуметре от бедра Силаса, обдав его кожаные штаны крошкой асфальта и свинцовой пылью.

Дверь водительской кабины автобуса распахнулась. Оттуда вывалился огромный детина в кожаном фартуке мясника, увешанном гирляндами из высохших ушей и автомобильных свечей зажигания. В руках он держал работающий бензорез для бетона — искры от крутящегося алмазного диска освещали его перекошенное, безгубое лицо.

Силас нажал на спуск автомата. Раздался сухой щелчок. Затворная рама замерла в крайнем заднем положении. Патроны в магазине кончились.

Громила с бензорезом заревел, перекрывая визг мотора своего оружия, и бросился на байкера. Времени на перезарядку автомата не было — руки были в липкой слизи фрикера и пыли. Силас бросил автомат на ремне на грудь, правой рукой выдернул из набедренной кобуры тяжелый «Ругер» и, не целясь, от бедра, дважды нажал на спуск.

Грохот.357 Магнума без всякого глушителя ударил по барабанным перепонкам даже сквозь плотный подшлемник. Экспансивные пули с тупыми свинцовыми головками буквально вырвали кусок грудины из тела верзилы. Его отбросило назад, на подножку автобуса, работающий бензорез выпал из рук и, бешено вращаясь и разбрасывая снопы искр, зарылся диском в промасленную землю, вздымая тучи радиоактивного пепла.

Последний из «Упокоителей», стоявший у дальней стороны автобуса, даже не успел повернуться к Силасу. Из темноты за его спиной, прямо из затянутого белесой грибницей окна первого этажа разрушенного молла, выметнулись три тени.

Они двигались с пугающей, ломаной грацией пауков. Серая, обтянутая пергаментной кожей плоть, вздувшиеся синие вены на шеях и жуткие, расколотые пополам головы, на месте глаз и лба которых торчали костяные пластины затвердевшего гриба, похожие на лепестки уродливой орхидеи. Щелкуны. Слепые ветераны эпидемии, пережившие ядерную зиму в глубоких подвалах и мутировавшие под воздействием радиации в живые капканы.

Рейдер успел только коротко взвизгнуть, когда первый мутант вцепился ему зубами в яремную вену, вырывая кусок плоти вместе с гортанью, а двое других повалили его на асфальт, раздирая живот когтями.

Но за этими тремя из черного провала подземного паркинга уже текла настоящая река. Сотни, тысячи обычных фрикеров — быстрых, жилистых, покрытых язвами лучевой болезни и серым налетом спор — лавиной неслись на звук выстрелов Магнума и рев заглохшего бензореза. Земля под ногами буквально загудела от топота тысяч босых, окровавленных ног.

Силас на бегу сбросил пустой магазин в подсумок (выбрасывать магазины на Пустоши было непозволительной роскошью), выхватил из разгрузки полный, примкнул и передернул затвор. Он подскочил к вентиляционной шахте под мостом как раз в тот момент, когда проржавевшая чугунная решетка с визгом рухнула наружу, выбитая мощным ударом изнутри.

Из черного провала пахнуло сыростью, плесенью, пороховой гарью и человеческим потом. Из дыры показалась рука в изодранной митенке, за ней — седая голова в старом танковом шлемофоне и треснувших очках-консервах поверх респиратора.

— Давай, старик, шевелись! — рявкнул Силас, хватая Пророка за шиворот его тяжелой брезентовой шинели и буквально выдергивая наружу, как пробку из бутылки.

Пророк повалился на колени, судорожно хватая воздух через забитые клапаны респиратора, его грудь ходила ходуном. Вся левая сторона его шинели была мокрой и черной от крови — похоже, осколок гранаты или шальная пуля все-таки достали его внизу, в туннелях.

— Девчонка… — прохрипел он, указывая окровавленной рукой обратно в шахту. — Вытащи ее! Быстро!

Силас шагнул к провалу, нагнулся и замер на долю секунды.

Из темноты туннеля на него смотрели два огромных, светло-серых глаза. На худом, перемазанном копотью и чужой кровью лице девчонки лет девятнадцати не было противогаза. Старый, разбитый пулей фильтр и разорванная резиновая маска болтались у нее на шее на ремешке, совершенно бесполезные. Она дышала полной грудью этим ядовитым, насыщенным спорами кордицепса и радиоактивной пылью воздухом Кратера — воздухом, от которого обычный человек начинал харкать черной слизью и сходить с ума уже через десять минут. И при этом в ее взгляде не было ни безумия, ни мутной пелены заражения — только дикая, волчья ярость и животный страх загнанного зверя. На правом предплечье ее куртки, там, где рукав был разодран в клочья, виднелся старый, побелевший рубец от человеческого укуса — полукруг зубов, затянувшийся гладкой, розовой тканью без малейших признаков грибковых наростов.

«Вот, значит, какой у тебя груз, Пророк», — мелькнуло в голове у Силаса, но времени удивляться не было. Первая волна Орды была уже в ста метрах, сметая на своем пути ржавые остовы машин, перепрыгивая через крыши с визгом и клокотанием.

Он схватил девчонку за лямки ее тяжелого армейского рюкзака и одним рывком выдернул на поверхность. Она оказалась легкой, почти невесомой, но едва ее ботинки коснулись земли, в ее руке блеснул вороненый ствол старого пистолета ТТ, который тут же уперся Силасу прямо под подбородок, в сочленение шланга и маски.

— Руки убрал, падальщик! — голос у нее был звонкий, сорванный от крика, с характерным жестким акцентом жителей глубоких станций Кольцевой линии, которые никогда в жизни не видели неба. Зрачки ее расширились, когда она увидела багровые сумерки, гигантские скелеты небоскребов над головой и лавину тварей, несущуюся прямо на них. — Боже… что это?!

— Это Верхний мир, мелкая. Добро пожаловать, — отрезал Силас, грубо отводя ее ствол в сторону, разворачиваясь и выпуская короткую очередь по двум фрикерам-разведчикам, которые уже взлетели на капот автобуса «Упокоителей» в двадцати шагах от них. — Жить хочешь — беги за мной к фургону! Старик, поднимайся!

— Я… я все, Мрак, — Пророк тяжело привалился спиной к бетонной опоре моста, зажимая одной рукой рану в боку, откуда сквозь пальцы толчками текла темная венозная кровь, а другой — вытаскивая из кобуры стечкин и взводя курок. Из-под его респиратора на подбородок потекла алая струйка. — Пробито легкое. И печень задело на «Баррикадной»… Я до твоего байка даже не доползу. Да и на двоих амортизаторы еле рассчитаны, втроем вы от гантраков по пескам не уйдете.

— Пророк, нет! — девчонка рванулась к нему, забыв про Силаса и про Орду, схватила старика за плечи. — Илья Матвеевич, вставайте! Вы обещали! Вы сказали, что знаете дорогу через хребет!

— Он знает, Яна. Он довезет, — старик с трудом поднял тяжелую руку и сунул Силасу в разгрузку тяжелый, герметичный тубус из титанового сплава, залитый на стыках сургучом и свинцовой пломбой с клеймом довоенного биокомплекса «Вектор-Запад». Затем его пальцы мертвой хваткой вцепились в кожаный воротник байкера, притягивая его маску к своим раз-

битым очкам. — Слушай меня, Силас… Помнишь Сару? Помнишь, как ты не успел вывезти ее из карантинного сектора в Неваде?

Силас замер. Под маской его лицо каменно застыло, челюсти сжались так, что хрустнули зубы. Мало кто на Пустоши знал это имя, и те, кто его произносил, обычно долго не жили.

— Не смей давить на это, старик, — глухо прорычал он.

— У тебя есть шанс закрыть тот долг! — выплюнул Пророк вместе с кровью. — В тубусе — коды к хранилищу на Востоке и полная выкладка по синтезу антител из ее штамма. А она сама — живая вакцина! Единственная на тысячи миль! Легион и Красные сожгут остатки метро, если получат ее, они сделают из этого биологическое оружие, чтобы добить друг друга! Довези ее до бункера «Ковчег-7» за Солеными озерами. Патроны… патроны и топливо заберешь на моем схроне в двух милях на север, у старой водонапорной башни. Код на замке — год начала Войны. А теперь вали отсюда, пока я держу этот проход!

Сверху, с эстакады хайвея, донесся оглушительный рев сирен и гул танковых дизелей. Это подходили основные силы «Упокоителей» — три огромные боевые фуры, увешанные прожекторами, клетками с пленниками и огнеметами, пробили заграждение из ржавых легковушек и неслись вниз по пандусу, давя под огромными колесами и мертвецов, и собственных раненых бойцов.

А с другой стороны, из провала торгового центра, выкатился основной вал Орды. Это было похоже на прорыв плотины. Тысячи тел, слипшихся в единую воющую, кусающуюся, брызжущую гноем и слюной массу, обрушились на обрубок школьного автобуса. Они лезли друг по другу, ломая кости упавшим сородичам, срывали стальные листы обшивки голыми руками, оставляя на металле кровавые лохмотья кожи и вырванные ногти. До Силаса и Яны оставалось не больше тридцати метров.

— Времени вышло, — холодно сказал Силас.

Он не стал спорить со стариком — на Пустоши сантименты убивали быстрее радиации. Одним движением он перехватил сопротивляющуюся, брыкающуюся Яну поперек талии, закинул ее себе на левое плечо, как мешок с мукой, и, отстреливаясь с правой руки из АКС-74У по ближайшим бегунам, бросился за инкассаторский фургон, где лежал его байк.

— Пусти меня, урод! Илья! Илья Матвеевич! — кричала Яна, колотя кулаками по его бронированной спине, защищенной пластинами из старых автомобильных покрышек.

Позади них Пророк с усилием поднялся во весь рост, забрался на капот брошенного автобуса и, ухватившись за рукояти спаренного крупнокалиберного «Браунинга» мертвого рейдера, нажал на гашетку. Пулемет снова взревел, выкашивая первые ряды фрикеров кровавой просекой, превращая гнилую плоть и грибные наросты в летящий в разные стороны фарш. Старик смеялся сквозь кровавый кашель, поливая свинцом и напирающую Орду, и приближающиеся фуры культистов, перетягивая все внимание на себя.

Силас швырнул девчонку на заднее сиденье, прямо поверх спальника и брезентовых сумок, рванул руль на себя, поднимая двухсоткилограммовую машину с земли одним рывком жилистых рук, и со всей силы ударил каблуком по рычагу кикстартера.

Мотор чихнул, выплюнул из патрубков сизое облако несгоревшего спиртового суррогата и взревел — утробно, мощно, заставляя вибрировать саму раму.

— Держись за ремни разгрузки, если не хочешь остаться кормом для грибов! — заорал Силас, поворачивая голову к девчонке. — И закрой рот шарфом, здесь пепел фонит под двести рентген!

Он бросил сцепление и выкрутил ручку газа до упора. Заднее колесо с вкрученными болтами с визгом провернулось на скользком от крови и внутренностей асфальте, выбросив веер искр и камней прямо в морду прыгнувшего из темноты фрикера, после чего байк встал на дыбы и пулей вылетел из-за фургона.

Позади, под мостом, пулемет Пророка внезапно захлебнулся. Серая живая волна сомкнулась над крышей автобуса, погребая под собой старика, но уже через секунду внутри этой копошащейся кучи тел ослепительно вспыхнуло, и тугой удар горячего воздуха толкнул мотоцикл в спину — Илья Матвеевич все-таки приберег на поясе связку старых армейских гранат Ф-1 для себя и для гостей.

Но впереди было не легче. Одна из боевых фур «Упокоителей» — гигантский «Кенворт» с приваренным спереди отвалом от бульдозера и двумя огнеметчиками на башне — перекрыла выезд с эстакады на северную трассу. Из труб грузовика валил густой черный дым, а из огромных динамиков, прикрученных к решетке радиатора, неслась искаженная, замедленная запись церковного хора, перемежаемая визгом циркулярных пил.

Огнеметчик на башне заметил летящий на них одинокий мотоцикл с одинокой желтой фарой, забранной стальной сеткой, и повернул брандспойт. Длинная, ревущая струя напалма ударила по асфальту прямо перед Силасом, превращая дорогу в стену ревущего, маслянистого огня, сквозь который с шипением полезли первые десятки фрикеров, охваченные пламенем, но даже не думающие останавливаться.

Силас не сбросил газ ни на миллиметр. Его глаза за треснувшими линзами ПМК-2 сузились, вычисляя траекторию: справа — бетонный отбойник и двадцатиметровый обрыв в высохшее русло реки, слева — стена огня и надвигающийся стальной отвал многотонной фуры, а прямо по курсу — перевернутый кузов старого пикапа, лежащий под углом, как трамплин…

— Пригнись! — рявкнул он, чувствуя, как тонкие, но железные руки девчонки мертвой хваткой вцепились ему в ремни на поясе, а ее лоб прижался к его позвоночнику между лопатками.

Силас переключил передачу вверх, впрыснул в карбюратор остатки закиси азота из маленького синего баллона под рамой, и ревущий черный байк на полной скорости влетел прямо в огненное марево, используя ржавый кузов пикапа как рампу для прыжка через бульдозерный нож «Кенворта».

Глава 2. Ржавчина и кровь

Время в прыжке растянулось, превратившись в вязкий, раскаленный кисель. На долю секунды под колесами не стало опоры — только ревущее брюхо огня внизу и черное, затянутое жирным мазутным дымом небо наверху. Жар от горящего напалма ударил снизу так сильно, что кожаная куртка Силаса мгновенно раскалилась, а в подшлемнике запахло паленой шерстью и кипящим сосновым дегтем, которым он пропитывал швы от кислотных дождей. В треснувших стеклах его противогаза отразилось перекошенное лицо огнеметчика на башне «Кенворта» — тот вжимал гашетку, но струя пламени проходила уже под задним крылом взлетевшего мотоцикла.

Перевернутый пикап сработал как трамплин, но угол оказался слишком крутым. Байк рухнул обратно на бетон эстакады с высоты трех метров, прямо за кабиной боевой фуры.

Удар был чудовищным. Передняя вилка сработала до самого отбоя, с глухим металлическим лязгом пробив сальники; из амортизаторов брызнуло горячее веретенное масло. Заднее колесо пошло юзом по скользкому от сукровицы и пепла асфальту. Раму повело вправо, прямо на ржавый бетонный отбойник, за которым зияла двадцатиметровая пустота высохшего русла.

Силас не нажал на тормоз — тормозить сейчас означало гарантированно улететь через руль под колеса идущего следом второго ган-трака. Вместо этого он со всей силы, до хруста в плечевых суставах, вывернул руль в сторону заноса и выставил левую ногу в кованом ботинке, чиркая стальной подошвой по бетону, высекая снопы белых искр. Мышцы предплечий свело судорогой от чудовищной вибрации.

— Держись, мать твою! — прохрипел он в маску, хотя знал, что за ревом прямотока и грохотом взрывов сзади девчонка его не услышит.

Но она держалась. Яна вжалась в его спину так плотно, что он сквозь толстую кожу куртки и самодельные бронепластины из покрышек чувствовал бешеное, птичье колочение ее сердца. Ее пальцы, сбитые в кровь о тюбинги вентиляционной шахты, намертво вцепились в стропы его разгрузки. Она не визжала, не билась в истерике, как обычно делали гражданские со станций, впервые попавшие в замес наверху. Она просто замерла, став частью машины, сместив свой легкий вес туда же, куда наклонял корпус Силас.

Подножка мотоцикла с визгом проскребла по бетонному бордюру, срубив кусок крошащегося цемента, и шипованная резина наконец нашла зацеп на сухой плешине асфальта. Байк выровнялся и рванул вперед, уходя в темноту северного шоссе.

Позади, у развязки, творился настоящий апокалипсис. Многотысячная лавина Орды налетела на застрявший «Кенворт» «Упокоителей». Живая волна серой, гниющей плоти просто захлестнула многотонную боевую машину. В зеркале заднего вида — единственном уцелевшем, левом, треснутом пополам — Силас на миг увидел, как десятки фрикеров лезут прямо по струям огня, вспыхивая, как живые факелы, но продолжая рвать когтями бронированные сетки на окнах кабины. Тяжелый грузовик качнулся под весом сотен тел, завалился на бок, сминая собственные клетки с пленниками, и через секунду взорвался — сдетонировали баки с огнесмесью на корме. Огненный гриб поднялся до самых верхних этажей мертвых небоскребов, осветив тучи радиоактивного пепла багровым, адским заревом.

Этот взрыв подарил им жизнь. Два других ган-трака культистов оказались отрезаны стеной горящего металла и бесновавшейся вокруг него Ордой.

Силас гнал мотоцикл на пределе возможностей старого двигателя. Стрелка самодельного датчика температуры, выведенного на бак, уже давно лежала в красной зоне. Из-под головки блока цилиндров тонкой струйкой сек сизый пар — прокладку все-таки пробило при жестком приземлении. Если не дать мотору остыть через десять минут, поршни просто приварятся к

гильзам, и тогда они останутся пешими посреди ночной Пустоши. А пеший на Пустоши ночью — это просто ходячий паек.

Он свернул с остатков трассы на старую лесовозную дорогу, уходившую вверх, на каменистое плато. Здесь было меньше пепла, ветер дул сильнее, а главное — твердый камень почти не оставлял следов протектора, по которым ищейки культистов могли бы взять след утром.

Через две мили на фоне фиолетового, беззвездного неба, затянутого вечной пылевой дымкой, вырос уродливый, приземистый силуэт. Старая водонапорная башня при заброшенной железнодорожной станции сортировки. Ржавая клепаная бочка на четырех ажурных стальных опорах, оплетенных сухими, мертвыми лозами мутировавшего плюща. Вокруг нее торчали остовы сгоревших товарных вагонов и полуразрушенное кирпичное здание диспетчерской.

Силас выжал сцепление и заглушил двигатель за двести метров до построек, пустив байк накатом.

Тишина обрушилась на уши почти физически. После рева мотора и канонады боя было слышно только, как звонко, словно капли воды по жести, остывает раскаленный глушитель: дзинь… тик… дзинь, да как свистит воздух в клапанах его противогаза. И еще — тяжелое, судорожное, хриплое дыхание за спиной.

Он остановил мотоцикл в густой тени под нависшим козырьком пакгауза, откинул боковую подножку. Посидел секунду, чувствуя, как гудит в пояснице старая контузия и как мелко дрожат пальцы, сжимающие прорезиненные грипсы руля. Обычный отходняк после адреналина. В его возрасте — а Силасу перевалило за сорок, что по меркам Пустоши делало его глубоким стариком — такие прыжки давались все тяжелее.

— Слезай, — глухо бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Приехали.

Девчонка не шевелилась. Ее пальцы так и оставались намертво сомкнутыми на его ремнях.

Силас медленно повернул голову. В тусклом свете луны, пробивавшемся сквозь рваные химические облака, лицо Яны казалось высеченным из серого мрамора. Глаза были широко распахнуты, но смотрела она сквозь него — туда, на юг, где за гребнем холма все еще пульсировало тусклое зарево горящего Кратера. По ее щекам, пробивая влажные борозды в слое черной туннельной копоти и серого пепла, текли беззвучные слезы. Она не всхлипывала — в метро детей с пеленок отучали плакать в голос, потому что звук в вентиляционных штреках разносился далеко и привлекал либо патрули, либо тварей.

Силас вздохнул, нащупал ее ледяные, исцарапанные кисти и с усилием, палец за пальцем, разжал их.

— Старик знал, на что шел, — сказал он жестко, без тени сочувствия в механическом голосе из-под маски. — У него из бока хлестало так, что сапоги полные были. Если бы я потащил его к байку, мы бы сейчас все трое догорали под тем мостом в брюхе у щелкунов. Спускайся на землю. Мне нужно проверить масло и спрятать машину, пока сюда не принесло ночных падальщиков.

Яна вздрогнула, словно очнувшись от гипноза. Ее взгляд сфокусировался на черной резиновой морде его противогаза ПМК-2, на треснувшей левой линзе, за которой в темноте едва угадывался холодный, выцветший глаз Силаса. Она резко, по-волчьи отдернула руки, спрыгнула с высокого седла на битый кирпич, но ноги, онемевшие от ужаса и бешеной скачки, подкосились. Она упала на одно колено, судорожно закашлялась, выплевывая на камни вязкую, серую от радиоактивной пыли слюну, но когда Силас машинально протянул руку, чтобы поднять ее за локоть, она отшатнулась и снова выхватила из-за пояса свой вороненый ТТ.

Ствол пистолета заметно дрожал в ее тонких руках, но палец лежал прямо на спусковом крючке, а курок был взведен.

— Не подходи, — прошептала она одними губами. Голос ее сел, превратившись в сиплый шепот. — Отдай тубус. Отдай тубус Ильи Матвеевича и катись на все четыре стороны со своим железом. Я сама дойду.

Силас даже не потянулся к револьверу. Он просто стоял над ней — высокий, широкоплечий в своей тяжелой, обшитой металлом и резиной броне, пахнущий бензином, пороховой гарью, оружейным маслом и смертью, — и смотрел сверху вниз. Наконец он медленно поднял правую руку, отвел в сторону полу кожаной куртки и постучал костяшками пальцев в стальной кастетной перчатке по титановому цилиндру, торчащему из нагрудного кармана разгрузки.

— Вот этот? — спокойно спросил он. — Забирай. Мне макулатура без надобности. Только сначала мы поднимемся вон в ту будку под башней, откроем схрон твоего Пророка, и я заберу свои пятьсот маслят калибра 5.45 и две канистры чистого бензина. После этого — хоть ползи до своих Соленых озер на брюхе, хоть застрелись прямо здесь. Мне плевать.

— Ты врешь, — Яна мотнула головой, ее короткие, неровно остриженные ножом темные волосы, слипшиеся от пота, упали на лоб. — Наемники с поверхности всегда продают людей. Нам на «Кольцевой» рассказывали про таких, как ты. Вы ловите тех, кто вышел из шахт, и сдаете либо в рабство рейдерам, либо на опыты в бункеры Легиона. Пророк… он просто не знал, с кем связался!

Силас издал короткий, сухой звук, который через мембрану противогаза прозвучал как кашель, но на самом деле был смешком.

— Твой Пророк знал меня восемь лет, девочка, — Силас повернулся к ней спиной, совершенно игнорируя направленный ему в затылок ствол пистолета, и принялся стаскивать с придорожных кустов сухие, колючие ветви перекати-поля, забрасывая ими блестящие детали мотоцикла. — Это я вытащил его с поверхности три года назад, когда его дрезину накрыли кислотным штормом в депо на Северной. И это я привозил ему лекарства от чахотки из разбомбленных госпиталей в обмен на довоенные патроны. Если бы я хотел продать тебя «Упокоителям» или штурмовикам Легиона, мне даже стрелять бы не пришлось у того моста. Я бы просто подождал пять минут и забрал оплату с твоего трупа.

Он закончил маскировать байк, выпрямился и снова посмотрел на нее. Пистолет в ее руке опустился на несколько дюймов, хотя убрать его за пояс она так и не решилась. На холодном ночном ветру ее била крупная дрожь — поверх фланелевой рубашки на ней была только старая, прожженная в нескольких местах телогрейка с оторванным рукавом, совершенно не спасавшая от резкого падения температуры, характерного для выжженной пустыни.

— Убери пушку, пока не прострелила себе ногу, — устало сказал Силас, снимая с плеча «Ксюху» и проверяя крепление глушителя. — На ТТ нет предохранителя, только полувзвод. Споткнешься на лестнице — разнесешь себе коленную чашечку, а хирурга здесь нет на триста миль вокруг. Идем наверх. Внизу оставаться нельзя — через час по лощине пойдет туман со спорами, а за ним подтянутся падальщики, которых спугнула Орда.

Он не стал ждать ее ответа и зашагал к ржавой металлической лестнице, ведущей к технической будке, подвешенной прямо под огромным клепаным брюхом водонапорной башни на высоте десяти метров над землей.

Прошло секунд десять, прежде чем позади раздался тихий шорох гравия. Девчонка аккуратно, двумя пальцами придерживая курок, спустила его с боевого взвода, засунула ТТ за широкий солдатский ремень и поплелась следом, то и дело озираясь на зловещие силуэты товарных вагонов, в темноте которых чудилось движение.

Подъем дался нелегко. Ржавые ступени под весом Силаса жалобно стонали и прогибались, осыпая вниз хлопья бурой окалины. Первые три метра лестницы вообще были срезаны автогеном — стандартная мера безопасности на Пустоши, чтобы наверх не могли забраться бегуны или стая одичавших мутировавших псов. Силасу пришлось подпрыгнуть, ухватиться руками за нижнюю перекладину, подтянуться на одних руках в полной выкладке, а затем све-

ситься вниз и подать руку Яне. Она с секунду колебалась, глядя на его широкую ладонь в беспалой кожаной перчатке со стальными накладками на костяшках, но снизу, со стороны железнодорожной насыпи, донесся далекий, протяжный вой — не волчий, а человеческий, сорванный и булькающий, — и она тут же вцепилась в его запястье. Силас легко, почти не напрягаясь, вдернул ее на площадку.

Дверь в технической будку — обитая оцинкованным железом, без окон — была заперта на массивный кодовый замок с четырьмя вращающимися дисками. Силас достал из подсумка старый армейский Г-образный фонарик с красным светофильтром (красный свет не был виден издалека в темноте), подсветил цифры. Год начала Войны. Пальцы быстро выставили комбинацию: 2-0-1-3. Дужка замка со щелчком подалась.

Силас плечом надавил на тяжелую дверь, петли которой были обильно смазаны солидолом и не издали ни звука, и шагнул внутрь, держа автомат наизготовку.

Внутри было тесно, темно и пахло сухим деревом, крысиным пометом и старой бумагой. Никаких следов чужого присутствия — растяжек на входе Пророк ставить не стал, видимо, рассчитывал вернуться сюда в спешке или раненым. Силас плотно захлопнул за Яной дверь, задвинул изнутри два тяжелых чугунных засова и только тогда перевел дух.

Он провел датчиком дозиметра вдоль стен и пола. Тик… тик. Двенадцать микрорентген. Почти природный фон. Толстые стенки старой башни над головой и свинцовая краска, которой в несколько слоев была выкрашена будка изнутри, надежно экранировали излучение. Споровиков в углах тоже не было — сухой, продуваемый сквозняками металл на высоте грибница не любила, ей требовалась сырость подвалов и гниющая органика.

Силас подцепил пальцами край резинового шлема на затылке и с тихим чпокающим звуком стащил с головы противогаз.

Холодный, сухой, пахнущий ржавчиной воздух будки ударил в легкие. После четырех часов дыхания через горячий угольный фильтр это было почти наслаждением. Силас провел ладонью по лицу, стирая липкую грязь и разминая затекшие скулы, на которых от краев маски остались глубокие красные вмятины.

Яна, прижавшаяся спиной к стене у самого входа, смотрела на него во все глаза в тусклом багровом свете фонарика. Видимо, под маской она ожидала увидеть какого-нибудь безносого мутанта или изуродованного ожогами фанатика.

Лицо Силаса было жестким, обветренным, словно вырезанным из старого, просоленного корнями дуба. Короткая, жесткая щетина, густо тронутая сединой на висках и подбородке; глубокие складки у рта; перебитый когда-то прикладом нос с горбинкой и длинный, побелевший шрам, пересекающий левую бровь и уходящий на щеку. Но самым тяжелым в этом лице были глаза — светло-карие, почти желтые в свете фонаря, абсолютно спокойные и пустые, как два винтовочных патрона в обойме. Глаза человека, который видел, как умирает мир, и давно перестал задавать Богу вопросы, почему тот это допустил.

Не говоря ни слова, Силас подошел к старому верстаку в углу будки, откинул брезентовый полог и посветил вниз.

Пророк не соврал. Под верстаком стояли две двадцатилитровые армейские канистры с клеймом ВВС США, залитые под горловину (судя по весу, когда Силас приподнял одну за ручку), и зеленый деревянный ящик, окованный по углам жестью. Внутри ящика лежали два герметичных цинка с маркировкой «5,45 ПС гж» и нож-открывашка, а рядом — несколько пачек галет в пергаменте, три банки тушенки со вздувшимися от времени этикетками и аптечка АИ-4 в оранжевом пластиковом футляре.

— Честный старик, — тихо пробормотал Силас, скорее самому себе, чем ей. — Редкость по нынешним временам.

Он взял со стола керосиновую лампу «Летучая мышь» с закопченным стеклом, чиркнул колесиком бензиновой зажигалки, сделанной из гильзы крупнокалиберного пулемета, и поджег

фитиль. В будке стало светлее и чуточку теплее; тени от их фигур заплясали по клепаным железным стенам.

Силас обернулся к девчонке. Она все еще стояла у двери, обхватив себя руками за плечи, чтобы унять дрожь. Ее губы посинели, а под глазами залегли черные, провалившиеся тени смертельной усталости. На лице, там, где слезы размыли копоть, четко проступили скулы — в метро последние полгода явно голодали.

Байкер молча вытащил из кармана разгрузки титановый тубус Пророка и бросил его на верстак. Металл глухо стукнул о дерево. Затем он достал из ящика пачку галет, флягу с водой из своего запаса и кинул их рядом с тубусом.

— Сядь и поешь, — сказал он ровным, лишенным интонаций голосом, усаживаясь на пустой снарядный ящик у противоположной стены и начиная вскрывать консервным ножом цинк с патронами. — И выпей воды. Ты наглоталась горячего пепла на эстакаде. Если не промоешь глотку сейчас, к утру начнется отек слизистой, будешь сипеть, как пробитый кузнечный мех.

Яна осторожно, боком, не сводя с него настороженного взгляда, подошла к верстаку. Ее рука сначала схватила тубус — она крепко прижала его к груди, проверила пальцами целостность свинцовой пломбы на крышке, затем спрятала его глубоко в свой брезентовый рюкзак. И только после этого ее взгляд упал на флягу и сухари. Она сглотнула голодную слюну, но не притронулась к ним.

— В воде химия? — тихо спросила она, глядя на него исподлобья. — Снотворное?

Силас оторвался от вскрытия цинка, посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом, потом молча протянул руку, взял флягу, открутил крышку и сделал два больших глотка. Вытер губы тыльной стороной ладони и поставил флягу обратно на стол.

— Артезианская, из глубокой скважины у каньона Змеиной реки. Прогнанная через серебряный фильтр, — спокойно ответил он, возвращаясь к своему занятию. Жесть цинка с противным скрежетом поддавалась ножу. — Мне незачем тебя травить, мелкая. Если бы я хотел что-то с тобой сделать — здесь на десятки миль ни души, кроме фрикеров. Никто бы даже не услышал, как ты кричишь. Ешь. Я не воюю с детьми.

— Я не ребенок! — вспыхнула она, но тут же осеклась, схватила флягу и жадно, захлебываясь, припала к горлышку. Вода текла по ее подбородку на грязный воротник телогрейки. Напившись, она разорвала зубами промасленный пергамент пачки и начала быстро, по-звериному заталкивать в рот каменные армейские галеты, даже не разжевывая их толком, постоянно косясь на Силаса, словно боялась, что он сейчас передумает и отберет еду.

Силас не мешал ей. Он методично доставал из бумажных пачек патроны 5.45 с зелеными лакированными гильзами и ободок за ободком набивал пустые бакелитовые магазины, расстрелянные у моста. Щелк. Щелк. Щелк. Мерный, успокаивающий звук металла и пружины. Руки двигались сами собой, пока мозг прокручивал карту местности и слова старика перед смертью.

«Помнишь Сару? У тебя есть шанс закрыть тот долг… В тубусе — коды к хранилищу на Востоке… А она сама — живая вакцина».

Силас посмотрел на правое предплечье девчонки. Когда она тянулась за второй пачкой галет, рваный рукав телогрейки задрался выше, и в желтом свете керосинки шрам стал виден во всех подробностях. Это определенно был укус бегуна на второй стадии. Глубокий, рваный след от человеческих челюстей, когда зараженный не просто кусает, а пытается вырвать кусок мяса движением головы вбок. У любого нормального человека через четыре часа после такого контакта края раны чернели и начинали покрываться белесой пушистой плесенью, температура подскакивала под сорок два, из ушей и носа шла черная сукровица, а через сутки кора головного мозга полностью замещалась разросшимися гифами мутировавшего кордицепса, превращая человека в безумную, вечно голодную тварь.

Сара продержалась тридцать часов. Силас до сих пор помнил каждую минуту из этих тридцати часов в запертом подвале заброшенной заправки под Рино, когда за дверью скреблись мародеры, а у него оставался только один патрон в барабане револьвера и никакой надежды.

А у этой девчонки шрам был старым. Минимум годовалой давности. Ткань вокруг него была слегка бугристой, с синеватым оттенком под кожей, словно грибница попыталась прорасти в капилляры, но натолкнулась на какую-то невидимую стену и просто закапсулировалась, погибнув внутри ее тела. И там, у моста, она дышала воздухом, в котором концентрация спор зашкаливала так, что без фильтра легкие превратились бы в грибницу за полчаса.

Яна заметила его взгляд. Она резко одернула рукав вниз, зажав прореху ладонью, и отступила на шаг от верстака.

— Что уставился? — буркнула она, хотя прежней агрессии в голосе уже не было — горячая вода и сухари немного вернули ей цвет лица, но вместе с сытостью навалилась чудовищная, свинцовая слабость.

— Когда тебя цапнули? — прямо спросил Силас, откладывая последний снаряженный магазин и убирая его в нагрудный подсумок.

— Не твое дело, — она отвернулась к стене, рассматривая старую, пожелтевшую схему железнодорожных путей, приколотую ржавыми кнопками к железу.

— Мое, если в том тубусе то, о чем говорил Илья, — Силас достал из внутреннего кармана кисет с самосадом — смесью сушеного дикого табака и мяты, которую выменивал у поселенцев в предгорьях, — свернул тонкую самокрутку из обрывка газеты, но прикуривать не стал, просто зажал в углу рта. — У моста ты была без маски. В самом очаге выброса спор. Обычный человек после такого уже бы грыз себе пальцы и выл на луну. А ты только кашляешь от золы. Как давно это было?

Яна долго молчала. В будке было слышно только, как за железной обшивкой стены завывает ветер, раскачивая многотонную конструкцию башни с тихим, утробным стоном, да как потрескивает фитиль в керосинке. Наконец она медленно опустилась прямо на пол в углу, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. В этой позе, в огромной, не по размеру мужской телогрейке, она снова стала похожа на испуганного подростка, которым, по сути, и являлась.

— Два года назад, — глухо сказала она, глядя в пламя лампы. — На перегоне за «Проспектом Ветеранов». Мы с отцом и еще тремя диггерами пошли чистить вентиляционный штрек. Там обвалилась гермодверь после бомбежки, и со стороны старого ботанического сада полезла лоза и споровики. Патрульные сказали, что туннель чистый, что там только гнезда крыс… Они соврали. Или просто побоялись идти сами и послали штрафников. Моего отца записали в штрафники за то, что он чинил радиоприемники и слушал частоты с поверхности, хотя политотдел запретил это под страхом расстрела.

Она замолчала, сглотнув комок в горле. Ее пальцы бессознательно гладили ткань рукава поверх старого шрама.

— Там была стая, — продолжила она еще тише. — Не обычные туннельные бегуны, а те, слепые… с развороченными головами. Они висели прямо на своде в темноте, вросшие в грибницу, как летучие мыши, и ждали, пока мы подойдем ближе. Когда мы зажгли карбидные лампы, они посыпались сверху. Двоих диггеров порвали сразу. Отец закрыл меня собой, отстреливался из дробовика, но одна тварь успела вцепиться мне в руку и сорвала с меня противогаз. Отец… он размозжил ей голову прикладом, вытащил меня за гермодверь и заварил ее автогеном снаружи. Его самого ранили в плечо и в шею.

Силас слушал молча, не перебивая, катая незажженную самокрутку из одного угла рта в другой. Эта история была стара как мир — он слышал сотни подобных в лагерях беженцев, в байкерских притонах и у ночных костров Пустоши. Менялись только названия станций и

городов, а суть всегда оставалась одной: темнота, клыки и кто-то, кто умирает, чтобы другой прожил еще пару часов.

— Мы сидели в карантинном шлюзе двое суток, — голос Яны стал совсем бесцветным, механическим. — Ждали конца. У отца жар начался уже через три часа. Он знал, что с ним будет. Он привязал себя ремнями к трубе парового отопления, отдал мне этот самый ТТ и приказал выстрелить ему в голову, когда он перестанет меня узнавать. А потом… потом выстрелить в себя, когда начнется у меня. Чтобы мы не достались санитарам станции для опытов или не стали такими же тварями.

Она подняла взгляд на Силаса. В ее серых глазах стоял сухой, ледяной блеск.

— Я выстрелила в него на двадцатый час. Когда он начал рвать ремни так, что сдирал кожу с запястий до костей, и кричать голосом, которого у него никогда не было. А потом я сидела еще сутки, приставив ствол к виску, и ждала, когда начнется жар. Но он не начался. Рана просто загноилась, как от обычной ржавой железки, а через неделю затянулась. Когда карантин открыли, я сказала санитарам, что это просто ожог от автогена отца, и прижгла края раны раскаленной гильзой, чтобы скрыть следы зубов. Если бы на станции узнали… меня бы живьем разобрали на органы в лаборатории Комитета.

Силас наконец чиркнул зажигалкой, прикурил самокрутку и глубоко затянулся, выпустив под потолок струйку едкого сизого дыма.

— И как о тебе узнал Пророк? — спросил он.

— Илья Матвеевич был другом отца. Это для него отец собирал длинноволновый передатчик, — Яна расстегнула верхний клапан своего рюкзака и вытащила оттуда не титановый тубус, а толстую, потрепанную общую тетрадь в клеенчатой обложке, исписанную мелким, убористым почерком, с вклеенными распечатками каких-то графиков, карт и пожелтевших фотографий со спутника. — Полтора года назад они поймали сигнал. Не шум, не старую автоматическую запись военного маяка, а живой голос. С востока, из-за хребта, с территории старого заповедника в Вайоминге и дальше, с Великих Равнин. Там роза ветров другая, туда не дошли тяжелые осадки после ударов по побережью, а суровые зимы в горах выморозили споры на поверхности. Там живут люди, Силас. Без противогазов. Под открытым небом. У них есть работающая гидроэлектростанция, чистая вода и лаборатория в бункере «Ковчег-7», где довоенные вирусологи пытались создать фаг против кордицепса. Им не хватало только одного — живого носителя мутировавшего штамма, чей организм сам вырабатывает антитела-блокаторы.

Она протянула тетрадь Силасу, но тот даже не шевелился, продолжая курить и смотреть на огонек своей самокрутки.

— Забери назад, — глухо сказал он. — Я не ученый и не святой, девочка. И в сказки про «Зеленый Оазис» и спасение человечества я перестал верить лет пятнадцать назад, когда видел, как эти самые «ученые» из правительственных бункеров выжигали напалмом лагеря беженцев вместе с женщинами и детьми, чтобы сэкономить фильтры для своих генераторов.

— Но в тубусе доказательства! — Яна вскочила с пола, шагнула к нему и буквально сунула раскрытую тетрадь ему перед лицом. На странице была приклеена размытая фотография, сделанная через перископ или дальнобойный объектив: зеленая долина между заснеженных пиков, деревянные срубы домов, дым из труб и чистое, пронзительно-синее небо без единого облачка рыжего смога. — Тысячи людей в метро умирают каждый день! Сейчас там идет бойня: «Железный Легион» пустил воду в нижние ярусы Красной Линии, а красные в ответ взорвали гермоворота на поверхности, впустив в туннели споры и фрикеров! Через месяц под землей не останется никого живого! Илья Матвеевич отдал жизнь, чтобы вытащить меня оттуда! Он сказал, что ты — человек слова! Что ты взял контракт!

Силас медленно поднял на нее глаза. Дым от самокрутки тонкой струйкой вился вдоль его шрама на щеке.

— Контракт был: встретить вас у моста, отбить от «Упокоителей» и довезти до этого схрона в обмен на патроны и бензин, — холодно, чеканя каждое слово, произнес байкер. — О том, чтобы тащить тебя на другой конец континента через три тысячи миль выжженной пустыни, каньоны людоедов и территории Безумного Культа, уговора не было. До «Ковчега-7» в Вайоминге месяц пути, даже если колеса не отвалятся. На моем байке пробита прокладка головки блока, а за нами с рассветом пойдут ищейки «Упокоителей», которым мы сожгли боевую фуру, и спецназ твоего метрополитена, если ты им так дорога. У меня нет ни ресурсов, ни желания ложиться в могилу ради чужих фантазий.

В глазах Яны что-то надломилось. Гнев и отчаянная надежда уступили место пустоте — страшной, взрослой пустоте человека, которого предали в последний раз. Она медленно опустила руки с тетрадью вдоль тела.

— Значит, Пророк ошибся в тебе, — тихо сказала она. — Он говорил, что ты потерял кого-то во время эпидемии. Что ты поймешь… Ладно. Забирай свои патроны и проваливай. Я пойду сама по шпалам на восток. Лучше сдохнуть в зубах у фрикеров под небом, чем вернуться в эту крысиную нору под землю.

Она отвернулась, подошла к верстаку, начала молча закидывать оставшиеся пачки галет и тубус обратно в свой рваный рюкзак. Ее тонкие плечи под старой телогрейкой казались такими хрупкими, что Силасу вдруг до физической тошноты, до рези в глазах вспомнилась другая фигурка — в такой же большой, с его собственного плеча, кожаной куртке, сжимающая в руках плюшевого медведя с оторванным ухом на заднем сиденье его старого «Харлея» на горящем шоссе под Лас-Вегасом.

«Папа, там дым… Папа, мне страшно дышать…»

Силас с такой силой сжал зубы, что перекусил мундштук самокрутки. Тлеющий уголек упал на его колено, прожег маленькую дырку в промасленной коже штанов, но он просто смахнул его перчаткой на пол и раздавил каблуком.

В этот момент снаружи, далеко на юге, за грядой барханов, глухо зарокотали моторы.

Не визгливые движки легких багги и не вой Орды. Это был тяжелый, низкочастотный, синхронный гул нескольких двенадцатицилиндровых танковых дизелей с турбонаддувом, от которого мелко-мелко задрожало закопченное стекло в керосиновой лампе на верстаке.

Силас мгновенно вскочил на ноги, одним движением задул лампу, погрузив будку в кромешную тьму, и прильнул к узкой смотровой щели, прорезанной в стальной обшивке стены и закрытой слюдяным окошком.

В двух милях от них, по старому руслу реки, обходя разрушенный город по дуге, шла колонна. Даже без бинокля в ночной темноте они выглядели как ожившие чудовища из древних мифов. Впереди двигался гигантский карьерный тягач, увешанный гроздьями мощных зенитных прожекторов, лучи которых резали рыжий туман, как световые мечи. На его платформе возвылась конструкция из сваренных труб, черепов и огромных рупоров, вокруг которой в клубах черного выхлопного дыма сновали полуголые фигурки механиков. Вокруг флагмана, словно стая шакалов вокруг медведя, шли десятка полтора шипованных маслкаров на огромных тракторных колесах и две бронированные машины с эмблемами… нет, не «Упокоителей». На бортах бронетранспортеров в свете прожекторов четко виднелись белые молнии в шестеренке — знак наземного экспедиционного корпуса «Железного Легиона» из Метро.

Подземные фашисты и поверхностные фанатики-рейдеры шли в одном строю. Видимо, за груз, который несла эта девчонка, генералы Легиона пообещали вожакам Культа столько бензина и рабов, что те забыли про свою вечную вражду. И шли они точно по азимуту к железнодорожной сортировке — кто-то на станции перед смертью под пытками все-таки сдал резервный маршрут Пророка.

Силас медленно отступил от бойницы. В темноте было слышно только его тяжелое дыхание и тихий стук сердца девчонки рядом.

— Они договорились, — глухо произнес он в темноту. — Легион дал «Упокоителям» наводку на этот сектор. Через двадцать минут они возьмут станцию в кольцо и пустят по следу собак и «ищеек». Пешком по шпалам ты уйдешь максимум на полмили, прежде чем тебя намотают на карданный вал.

Яна в темноте судорожно вздохнула. Раздался сухой металлический щелчок — она снова достала свой ТТ и взвела курок.

— Значит, у меня есть двадцать минут, чтобы сжечь тетрадь и разбить тубус кислотой из аккумулятора, — ее голос дрожал, но в нем звучала та самая обреченная решимость, с которой два года назад она нажимала на спуск в карантинном шлюзе. — Живой я им не дамся, Силас. Уходи, пока кольцо не замкнулось. На мотоцикле ты еще успеешь проскочить через северную балку.

Силас постоял секунду в полной темноте, глядя туда, где смутно белело ее худое лицо. Потом он тяжело, протяжно выругался сквозь зубы — длинным, витиеватым довоенным проклятием, в котором помянул и Пророка, и его мать, и весь этот сгоревший дотла мир, и собственную дурость.

Он шагнул к верстаку, на ощупь схватил обе канистры с авиационным бензином, подхватил ящик с оставшимися патронами и сунул девчонке в руки свою запасную кожаную куртку-косуху, подбитую изнутри овчиной, которая лежала на дне схрона.

— Надевай поверх своего тряпья, живо, — рявкнул он, срывая засовы с двери. — И бери инструментальный ящик под столом, там герметик для блока цилиндров и набор торцевых ключей! У нас пятнадцать минут, чтобы замазать трещину в движке холодной сваркой, залить топливо и уйти через Мертвый лес, пока эти ублюдки не перекрыли перевал!

Яна замерла на секунду с тяжелой курткой в руках, не веря своим ушам.

— Ты… ты везешь меня на Восток? — выдохнула она. — Но почему? Ты же сказал, что контракт закрыт!

Силас уже распахнул дверь на площадку лестницы, впуская внутрь ледяной ночной ветер и далекий гул приближающихся танковых дизелей. Он обернулся на пороге, натягивая на лицо резиновый шлем противогаза.

— Контракт со стариком закрыт, — отрезал он, прежде чем треснувшие линзы ПМК-2 скрыли его глаза. — А за то, что я вытащу твою тощую задницу за хребет, твои ученые в «Ковчеге» соберут мне новый двигатель и отсыплют ящик патронов. Шевелись, мелкая! Если отстанешь на лестнице — пристрелю сам, чтобы не мучилась!

Глава 3. Мертвый лес и железные гончие

Металл площадки под ногами дрожал так сильно, что казалось, будто сама земля под водонапорной башней идет трещинами. Низкочастотный рокот дизелей колонны «Железного Легиона» и броневиков культистов перекатывался по каменистой лощине тяжелыми, свинцовыми волнами, заставляя вибрировать стекла в керосиновой лампе и осыпая с потолка бурую труху старой изоляции.

Силас шагнул из дверного проема на ржавую решетку наружной лестницы. Ледяной ветер Пустоши, пропитанный гарью, озоном и гнилостным запахом разлагающейся где-то внизу мицелиальной массы, с ходу ударил в грудь, заставив гофрированный шланг противогаза натянуто зашуршать. Каждая клеточка его пропитанного адреналином и старыми шрамами тела мгновенно перешла в боевой режим: мозг отсек все лишнее, оставив лишь сухой, безжалостный расчет на выживание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.